

# Солдатык / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Солдатык / рассказ СОЛДАТИК

Каждое воскресенье, получив отпуск, оба солдатыка пускались в путь.

Выйдя из казармы, они сворачивали направо и пересекали Курбевуа быстрым шагом, словно маршировали в строю, а миновав последние дома города, шли уже медленнее по мыльной и пустынной большой дороге, которая ведет в Безон.

Оба низкорослые и худые, они тонули в слишком длинных и слишком просторных шинелях, рукава которых закрывали им пальцы; слишком пышные красные шаровары мешали им быстро ходить и заставляли широко расставлять ноги. А под высокими и твердыми киверами еле видны были лица, жалкие, изможденные лица бретонцев, наивные, почти по-животному наивные лица, с голубыми, кроткими, спокойными глазами.

Дорогой они никогда не разговаривали, шли прямо и думали об одном и том же — и это заменяло им беседу, — думали о том, что на опушке рощи Шампиу они нашли уголок, напоминавший им родные места; они чувствовали себя хорошо только там.

Вступив под сень деревьев на перекрестке дорог, ведущих в Коломб и в Шату, они снимали давившие им голову кивера и вытирали лоб.

Они всегда останавливались ненадолго на Безонском мосту, чтобы поглядеть на Сену. Они стояли две — три минуты, перегнувшись над парапетом, или смотрели на большой Аржантейский водоем и на белые наклоненные паруса носившихся по нему клиперов, напоминавшие им, может быть, море Бретани, Ваннский порт, по соседству с которым они жили, и рыбацьи суда, плывущие из Морбиана в открытое море.

Перейдя через Сену, они покупали себе провизию у колбасника, булочника и торговца местным вином. Кусок кровяной колбасы, хлеб за четыре су и литр дешевого вина составляли весь их провиант, который они завертывали в носовые платки. Выйдя из

деревни, они замедляли шаг и принимались болтать.

Перед ними простиралась убогая равнина с разбросанным кое-где группами деревьев, а за ней находился тот лесок, который, как им казалось, был похож на их Кермариванский лес. Узкая дорога вдоль полей терялась в свежей зелени всходов пшеницы и овса. И всякий раз Жан Кердерен говорил Люку ле Ганидеку:

– Совсем как около Плунифона.

– Да, совсем так.

Они шли рядом, и мысли их были полны смутных воспоминаний о родной земле, воскресавших образов, таких же наивных, как грошовой лубочные картинки. Они снова видели кусочек родных полей, плетень, уголок ланд, перекресток, гранитный крест.

И всякий раз они останавливались у межевого камня, потому что он чем-то напоминал им Локневанский долмен.

Когда они доходили до первой рощицы, Люк де Ганидек каждое воскресенье срывал прутик орешника, а затем начинал осторожно обдирать кору, думая в это время о тех, кто остался там, на родине.

Жан Кердерен нес провизию.

Время от времени Люк произносил какое-нибудь имя, вспоминал какой-нибудь эпизод из их детства, и эти несколько слов давали им пищу для долгих размышлений. И родина, дорогая далекая родная земля, мало-помалу вновь завладевала ими, захватывала их, слала к ним через пространство свои очертания, свои шумы, знакомые горизонты и запахи – запах зеленых ланд, где веял морской ветер.

Они дышали уже не испарениями парижского навоза, удобряющего пригородные поля, а благоуханием цветущего терновника, которое подхватывает и разносит соленый ветер морских просторов. А глядя на паруса лодок, появлявшиеся из-за высоких берегов Сены, они словно видели за широкой равниной, уходившей до самого берега моря, каботажные суда своей родины.

Оба они, Люк ле Ганидек и Жан Кердерен, шли медленно, довольные и печальные, томимые тихой тоской, тупой и глубокой тоской зверя в клетке, предающегося воспоминаниям.

И когда Люк кончал сдирать кору с тоненького прутика, они уже доходили до того уголка рощи, где завтракали каждое

воскресенье.

Они доставали спрятанные в кустах два кирпича и разжигали костер из сухих веток, чтобы поджарить на кончике ножа кровяную колбасу.

Позавтракав, съев до последней крошки хлеб и вылив до последней капли вино, они сидели рядом на траве, не говоря ни слова, устремив вдаль слипающиеся глаза, скрестив пальцы, как в церкви, и вытянув ноги в красных шароварах подле красных полевых маков. Их кожаные кивера и медные пуговицы сияли в лучах палящего солнца, привлекая жаворонков, которые пели, кружась над их головами.

С приближением полдня они начали посматривать в сторону деревни Безон, откуда должна была появиться батрачка с коровой.

Девушка проходила мимо них каждое воскресенье, ведя доить корову, единственную в этой местности корову, ее держали на подножном корму, и она паслась на узенькой лужайке у опушки леса, немного подальше.

Вскоре они замечали батрачку – единственное человеческое существо, проходившее по этой равнине, – и яркие блики на жестяном подойнике, отражавшем солнечное пламя, наполняли радостью их сердца. Они никогда не говорили о ней. Они были довольны уже тем, что ее видят, хотя и не понимали причины этого.

Это была статная и крепкая рыжеволосая девушка, обоженная зноем солнечных дней, бойкая рослая девушка парижской пригородной деревни.

Как-то раз, увидев, что они опять сидят на том же месте, она сказала:

– Здравствуйте... Вы, что же, всегда приходите сюда?

Люк ле Ганидек, более смелый, пробормотал:

– Да... Приходим отдыхать.

Этим дело и кончилось. Но в следующее воскресенье она, заметив их, засмеялась и с покровительственной благосклонностью развязной женщины, почувствовавшей их робость, спросила:

– Что же вы здесь делаете? Смотрите, как трава растет?

Люк, развеселившись, тоже улыбнулся:

– Может быть, что и так.

Она продолжала:

– Ну, и что же? Не быстро дело идет?

Он ответил, по-прежнему смеясь:

– Да, не очень.

Она ушла. Но, возвращаясь с ведром, полным молока, она снова остановилась возле них и сказала:

– Не хотите ли выпить немножко молока? Это вам напомнит родные места.

Инстинктом существа одной с ними породы и, быть может, тоже оторванного от родных мест она верно угадала их настроение.

Это растрогало их обоих. Тогда она не без труда влила немного молока в горлышко литровой бутылки, в которой они приносили вино, и Люк стал пить первый, маленькими глотками, поминутно останавливаясь, чтобы посмотреть, не выпил ли он уже больше своей доли. Потом он отдал бутылку Жану.

Она стояла перед ними, упершись руками в бедра и опустив ведро на землю, довольная, что доставила им удовольствие.

Потом она ушла, крикнув:

– Ну, прощайте! До воскресенья!

И они провожали ее глазами до тех пор, пока еще могли видеть, как удаляется ее высокая фигура, все уменьшаясь, словно утопая в зелени полей.

Когда они через неделю выходили из казармы, Жан сказал Люку:

– Не купить ли ей какое-нибудь угощение?

И они долго не могли решить вопрос, какое же лакомство выбрать им для девушки с коровой.

Люк высказался за кусок колбасы, но Жан предпочитал карамель, потому что сам любил сласти. Его мнение восторжествовало, и они купили в бакалейной лавочке на два су белых и красных конфет.

Взволнованные ожиданием, они позавтракали быстрее, чем обычно.

Жан увидел ее первый.

– Вон она, – сказал он.

Люк повторил:

– Да. Вон она.

Заметив их и уже издали смеясь, она закричала:

– Ну, как дела?

Они отвечали разом:

– А ваши как?

И она пустилась болтать о тех простых вещах, которые были для них полны интереса, – о погоде, об урожае, о своих хозяевах.

Они все не решались отдать ей конфеты, которые понемногу таяли в кармане у Жана.

Наконец Люк набрался храбрости и сказал:

– А мы вам кое-что принесли.

Она спросила:

– Что же такое?

Тогда Жан, покраснев до ушей, вытащил из кармана узкий бумажный пакетик и подал ей.

Она принялась уплетать леденцы, перекатывая их во рту с одной стороны на другую, так что на щеках у нее вздувались шишки. Солдаты, сидя перед нею, глядели на нее с умилением и восторгом.

Потом она пошла доить корову и, возвращаясь, снова дала им молока.

Они думали о девушке всю неделю и много раз говорили о ней. В следующее воскресенье она присела к ним, чтобы поболтать подольше; сидя рядом, устремив глаза вдаль, обхватив руками колени, они рассказывали друг другу о всяких мелочах из жизни родной деревни, а корова, видя, что батрачка остановилась на полдороге, протягивала к ней свою тяжелую морду с влажными ноздрями и жалобно мычала, призывая ее.

Как-то раз девушка согласилась перекусить с ними и выпить глоток вина. А сама она приносила им теперь в кармане сливы, которые уже поспели. От ее присутствия у солдатиков-бретонцев пропадала застенчивость, и они щебетали, как птицы.

Однажды, во вторник, Люк ле Ганидек отпросился в отпуск, чего с ним никогда еще не случалось, и возвратился только к десяти часам вечера.

Обеспокоенный Жан старался отгадать, какая причина могла заставить его товарища уйти.

В пятницу Люк занял десять су у соседа по койке и снова попросил разрешения отлучиться на несколько часов.

Когда же он вместе с Жаном отправился на воскресную прогулку, у него был какой-то странный, взволнованный, непривычный вид. Кердерен ничего не понимал, но смутно подозревал недоброе, не догадываясь, однако, что бы это могло быть.

Они не сказали друг другу ни слова, пока не добрались до обычного места, где трава уже была ими примята. Завтракали они медленно, ни тот, ни другой не чувствовали голода.

Вскоре появилась и девушка. Так же, как и в прошлые воскресенья, они глядели, как она приближалась. Когда она была уже совсем близко, Люк встал и сделал два шага ей навстречу. Она поставила ведро на землю и поцеловала Люка. Она поцеловала его страстно, обвив его шею руками и не обращая никакого внимания на Жана, не думая, что он тоже здесь, не видя его.

А бедный Жан сидел растерянный, до того растерянный, что ничего не понимал: душа его была в смятении, сердце разрывалось на части, хотя он еще ни в чем не отдавал себе отчета.

Потом девушка села рядом с Люком, и они начали болтать.

Жан не смотрел на них; теперь уж ему было ясно, почему его товарищ два раза отлучался в течение недели, и он испытывал жгучее горе, словно у него в сердце была рана – рана, какую наносит измена.

Люк и девушка поднялись и отправились вместе к корове.

Жан следил за ними глазами. Он видел, как они шли рядышком. Красные шаровары товарища казались ярким пятном на дороге. Люк подобрал колотушку и крепче вбил колышек, к которому была привязана корова.

Девушка нагнулась доить корову, а он рассеянной рукой трепал животное по острому хребту. Потом они оставили ведро на траве и ушли в глубь леса.

Жан уже ничего не видел, кроме стены из листвы, за которой они скрылись; он был так потрясен, что если бы попробовал подняться, то, вероятно, тут же упал бы на траву.

Он сидел неподвижно, отупев от изумления и скорби, от наивной, но глубокой скорби. Ему хотелось плакать, бежать, спрятаться, никого никогда больше не видеть.

Но тут как раз они появились из чаши. Они возвращались

медленно, взявшись за руки, как ходят в деревне жених и невеста. И ведро нес Люк.

Перед тем как расстаться, они снова поцеловались, и девушка ушла, дружески кивнув на прощание и улыбнувшись Жану. В этот день она и не подумала предложить ему молока.

Солдатики посидели рядом, неподвижные, как всегда, молчаливые и спокойные; их невозмутимые лица ничуть не отражали того, чем были потрясены сердца. Лучи солнца озаряли их. Корова порою оглядывалась на них издали и мычала.

В обычный час они поднялись и пошли назад.

Люк ощипывал прутик. Жан нес пустую бутылку. Он оставил ее у безонского виноторговца. Потом они вышли на мост и, как всегда в воскресенье, остановились на несколько минут посредине, посмотреть, как плещется вода.

Жан все больше и больше перегибался через железные перила, как будто видел в волнах что-то притягивающее.

Люк сказал ему:

– Ты что, водицы хлебнуть захотел, что ли?

Не успел он договорить, как туловище Жана перевесилось, мелькнули ноги, описав круг в воздухе, синекрасный солдатик полетел вниз головой, и вода поглотила его.

Тщетно Люк пробовал кричать: испуг парализовал ему горло. Он увидел, как внизу, уже немного подальше, что-то барахтается, затем голова товарища появилась на поверхности воды, но тотчас скрылась снова.

Потом еще дальше он заметил руку, одну только руку – она вынырнула из реки и снова исчезла. И это было все.

Прибежавшие лодочники не нашли тело в этот день.

Люк бегом вернулся в казарму, один, совсем обезумев, и рассказал о происшествии, захлебываясь от слез и непрерывно сморкаясь:

– Он нагнулся... нагнулся так... так, что голова перетянула... и... и... вдруг он полетел... полетел...

Больше он ничего не мог сказать: волнение душило его.

Если бы только он знал!..

\* \* \*

Напечатано в «Фигаро» 13 апреля 1885 года. Neçaýalar